

Взгляд из регионов

Вынужденные мигранты: стратегии совладания с жизненными трудностями

Балабанова Евгения Сергеевна

Нижегородский государственный университет

E-mail: balhome@unn.ac.ru

Современное общество предъявляет к индивиду высокие требования, многие из которых превышают его обычный адаптивный потенциал. Трансформационные процессы, происходящие на постсоветском пространстве, обуславливают вынужденный характер адаптаций целых социально-профессиональных и этнических групп населения. Это происходит, когда *ненормативные* события, внешние по отношению к индивиду, ставят перед ним не встречавшиеся ранее, не успевшие рутинизироваться в повседневных практиках задачи, от удачного решения которых зависит вопрос социального и экономического выживания индивидов и их семей. Такие события можно обозначить как **«жизненные трудности»**.

Это понятие включает в себя следующие компоненты: 1) давление внешних обстоятельств, не поддающихся индивидуальному контролю, нарушающих привычный жизненный уклад индивида; 2) множественные потери, ставящие под угрозу социальное и экономическое благополучие индивида; 3) сильные негативные переживания, ухудшающие социальное самочувствие индивида. Таким образом, понятие жизненных трудностей близко, с одной стороны, к социально-психологическим категориям «стресс», «кризисы», с другой – к социально-экономическим – «депривация», «дезадаптация».

Существуют и другие интерпретации «жизненных трудностей». Так, в Федеральном законе «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» от 15 ноября 1995 года трудная жизненная ситуация определяется как «ситуация, объективно нарушающая жизнедеятельность гражданина (инвалидность, неспособность к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом, болезнью, сиротство, безнадзорность, малообеспеченность, безработица, отсутствие определенного места жительства, конфликты и жестокое обращение в семье, одиночество и тому подобное), которую он не может преодолеть самостоятельно» (1, с. 109). Такой подход можно охарактеризовать как *«собесовский»*, поскольку он предполагает беспомощность реципиента.

Такой патрон-клиентский подход, очевидно, неприменим для анализа трудной жизненной ситуации, в которой оказывается трудоспособный, независимый, *социально компетентный* человек. Можно сказать, что упомянутые выше экстраординарные нагрузки на самочувствие людей в современной России – это плата за то, что общество стало более свободным. Ведь свобода – это ответственность за выбор, который делает

человек: подобно витязю на распутье, он отдает себе отчет в том, что любое из принимаемых им решений влечет за собой социальные «выгоды» и «издержки» и что не существует единственно правильных, простых и однозначных решений.

Рассмотреть индивидуальное действие в контексте когнитивной проработки трудной ситуации и сознательного планирования действий по ее преодолению позволяет концепция **совладания с жизненными трудностями**. Она исходит из наличия у человека ресурсов и его способности адекватно среагировать на вызовы внешней среды. К совладанию относятся механизмы «эмоциональной и рациональной регуляции человеком своего поведения с целью оптимального взаимодействия с жизненными обстоятельствами или их преобразования в соответствии со своими возможностями» (2, с. 127). «Совладание», в отличие от более привычного понятия «адаптации», делает акцент на сознательном планировании человеком своих действий в неблагоприятных обстоятельствах, что ведет либо к преодолению трудностей как таковых, либо к минимизации их негативных последствий.

Процесс совладания с жизненными трудностями мы рассмотрим на примере вынужденных мигрантов из стран СНГ*. Исследование было проведено в Москве, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге и Краснодаре. Данные собраны в ходе массового анкетного опроса (июнь 1999 г., опрошено 806 чел., в том числе вынужденных мигрантов – 271 чел.) и двух серий углубленных интервью (опрошен 101 чел., в том числе вынужденных мигрантов – 32 чел.)**. Углубленные интервью проводились в ноябре-декабре 1998 и 1999 годов. Задачи исследования обусловили ограничения опроса: опрашивались мигранты, прибывшие в города менее чем год назад (на ноябрь 1999) и остановившиеся в областных центрах. Вторая серия интервью проводилась с теми же респондентами, что и год назад. Это позволило получить данные о результатах поведения людей, находящихся примерно в одинаковых «стартовых условиях».

Ситуацию вынужденных мигрантов и до, и после переезда на новое место жительства можно квалифицировать как «жизненную трудность». Одним из последствий распада СССР стало устранение барьеров, ранее сдерживавших националистические настроения в республиках. Дезинтеграция постсоветского пространства обусловила экономический кризис, сильнее всего ударивший по республикам Средней Азии и Казахстана. Как показывают данные нашего опроса, именно эти две причины – национализм и тяжелое экономическое положение в республиках СНГ – явились основными выталкивающими факторами переезда русскоязычного населения.

Вынужденный переезд оказался цепью потерь: мигранты второй волны (в отличие от прибывших в Россию в начале 90-х годов, в самом начале дезинтеграционных процессов) уже не смогли выгодно продать недвижимость и прочее имущество на прежнем месте жительства, и вырученные деньги в основном ушли на дорогу. В результате самые острые трудности, упоминавшиеся респондентами, заключались в тяжелых материальных условиях, недостатке средств на текущие расходы и тем более – на решение важнейшей проблемы – жилищной. К другой группе потерь относились потеря прежнего социального статуса и сложности с трудоустройством, что не только

* Исследование выполнено в рамках проекта "Совладание в посткоммунистической России: социальные и экономические стратегии андекласса", 1998-2000 гг. при финансовой поддержке Института "Открытое общество" (программа RSS, проект № 153/1998), коллективом в составе В.В. Радаева (руководитель), Е.С. Балабановой, М.Г. Бурлуцкой, А.Н. Демина, О.Е. Кузиной, Л.Е. Петровой.

** Двумя другими группами в исследовании были безработные и «работающие бедные».

усугубляло материальные проблемы, но и блокировало удовлетворение потребностей самоуважения и самореализации. Наконец, распад семей, смена климата, большое количество стрессовых ситуаций негативно влияли на физическое и психологическое самочувствие людей, в результате чего многие характеризовали свое состояние как подавленность, неуверенность в завтрашнем дне, ухудшение здоровья. Таким образом, можно констатировать необходимость постоянных сверхусилий вынужденных мигрантов по «врастанию» в новую для них социальную среду.

Упомянутые трудности были характерны практически для всех участников нашего опроса. Однако интервью, проведенные спустя год, показали, что люди используют разнообразные адаптационные стратегии в зависимости от своих ресурсов, установок, потребностей и уровня активности. Поэтому за год наши респонденты разместились на шкале, которую можно назвать *«накопление преимуществ – углубление депривации»*.

Мы постарались рассмотреть этот процесс, разделив участников опроса на *«успешных»*, то есть тех, в чьей ситуации спустя год наблюдалась положительная динамика (было бы преувеличением назвать их «адаптировавшимися»), и *«неуспешных»*. К последним отнесены те, кто не продвинулся в течение года в решении своих важнейших задач, прежде всего, нахождении жилья и получении регулярных доходов.

Накопление преимуществ

Процесс накопления преимуществ можно охарактеризовать как **эффективное использование ресурсов, необходимых для совладания с трудностями, и расширение спектра доступных ресурсов по мере достижения промежуточных результатов**. Обратим внимание, что «объективный» и «субъективный» компоненты этого процесса неразрывны. Наши данные свидетельствуют о том, что респонденты, изначально находившиеся в относительно благоприятных стартовых условиях (например, обладавшие денежными средствами), не сумевшие сориентироваться в нестандартной ситуации, за год ухудшили свое положение. И напротив, высокий деятельностный потенциал – условие необходимое, но недостаточное для совладания с жизненными трудностями. Не подкрепленные материальными и социальными ресурсами, люди, изначально демонстрировавшие высокую активность в решении своих проблем, приходили к мобилизационной усталости.

Ресурсы совладания *можно разделить на три большие группы – личностные, социальные и материальные*.

Практически во всех случаях неременным условием совладания было наличие **личностных ресурсов**, прежде всего, самостоятельных установок, способности поставить себя в центр своих жизненных планов. Истории людей показывают, что интернальная локализация контроля над событиями своей жизни и креативность мышления способствовали эффективной мобилизации, хотя бы и минимальных, материальных и социальных ресурсов. К неотделимым от индивида личностным ресурсам мы отнесли и владение «конвертируемыми» специальностями, и высокий уровень образования.

Специфика российской ситуации, как известно, заключается в гипертрофированной значимости неформальных связей. Поэтому не удивительно, что во многих случаях особую актуальность имела группа **социальных ресурсов** или «социального капитала» - информации, доверия и норм реципрокности, присущих какой-либо социальной сети (3, р. 153). Социальный капитал помогал структурировать имеющиеся ресурсы, а нередко и обуславливал саму возможность их использования. Особенно важно то, что поддержка родственников и знакомых носит добровольный, а во многих случаях –

инициативный характер. Это обуславливает безвозмездный в материальном плане характер поддержки, а социальными обязательствами в этом случае становится реципрокность услуг – готовность по первому требованию в ответ прийти на помощь, если таковая потребуется. Поэтому предпочтительность такого характера помощи обусловлена не только ее эффективностью, но и отношениями семейной солидарности.

К **материальным ресурсам** относится привезенное с собой имущество и сбережения. Поскольку их наличие либо отсутствие наиболее очевидны, респонденты говорили о себе в терминах «погорельцы», «вообще ничего нет», «начинаем все с нуля». В наиболее выигрышной ситуации, соответственно, оказывались те, у кого на руках была валюта. Дальнейшая же «судьба» материальных ресурсов, а именно, их проедание или инвестирование, определялась стратегиями поведения респондентов.

Стратегии совладания с трудностями как процесс управления ресурсами

В литературе стратегии совладания с жизненными трудностями рассматриваются как процесс **управления ресурсами** – мобилизация личностных ресурсов и ресурсов среды и оптимальное их использование (4, с. 105). Специальное рассмотрение процесса эффективного задействования ресурсов представляется нам важным, поскольку их статичное выявление мало объясняет динамику совладания. Как показывают данные интервью, ревизия наличных ресурсов – лишь его первый этап. Далее включаются когнитивные механизмы их использования, позволяющие занять позицию «умного» участника социальной сети (2, с. 132). То, насколько индивид окажется способным рационально распорядиться имеющимися ресурсами, определяется его **социальной компетентностью** как владением «когнитивными, эмоциональными и моторными способами поведения, которые в определенных социальных ситуациях ведут к долгосрочному благоприятному соотношению положительных и отрицательных следствий» (5, с. 61). Динамика этого процесса включает следующие шаги.

Выбор стратегической цели. Стратегической целью большинства вынужденных мигрантов является обеспечение социально-экономического благополучия своих семей, в которое входят достижение приемлемого уровня жизни и гармонизация существования индивидов, поддержание их жизненного баланса. Ее достижение разбивается на решение трех наиболее важных взаимосвязанных задач:

- решение жилищной проблемы;
- нахождение постоянной работы;
- вписывание в новое социальное окружение.

В свою очередь, задачи максимум разбиваются на ряд частных, которые у «успешных» респондентов четко определены во времени и по сферам компетенции. Таким образом, респонденты обеспечивают себе возможность ставить галочки в списке задач, отмечая удавшиеся шаги и анализируя ошибки.

Я думаю, в 2000 году нам придется еще потрудиться. На этом наши беды закончатся. А там жизнь станет веселее. Именно на это мы рассчитываем, мы ведь все просчитали. Если доход будет такой, какой есть, и не вырастет ужасно доллар, то к моему юбилею мы обязательно рассчитаемся. В декабре у меня будет 60 лет. И я дала установку: мы не должны в 2001 год входить с остатком долга (59 лет, пенсионерка).

Наличие гибкого плана действий являлось стержнем, придающим смысл всей деятельности мигрантов и ориентирующим их на поиск информации. Благодаря этому даже в условиях высокой неопределенности люди не становились щепками в

вовороте событий, а находили возможность использовать условия среды для решения своих задач.

Я сделала вывод, что в жизни надо к высшему стремиться. Я сначала говорю, что это нереально сделать, а, в конце концов, все реально оказывается. Потому что оно достигается. Я говорю, что некоторые люди строятся. Может, нам строиться? Мама говорит, что очень много денег уйдет. Я сказала, давайте посмотрим сколько. Если бы она не сказала про эти домики страшные, мы бы так и купили страшный, на краю света где-нибудь. А теперь я смотрю на этот дом, думаю, надо же, подвиг совершили, в городе живем, построились, все нас крутыми считают. А на самом деле так получилось. Если бы не мама... Деньги бы потратили, и все (30 лет, учитель).

Следует отметить, что понятие «сознательного планирования» не обязательно означает наличие долгосрочных планов и высокую планку потребностей. Совладание предполагает наличие когнитивной проработки принимаемых решений, но степень сознательности может быть различной. Во многих случаях совладание – это ряд *ad hoc* ответов на трудности, специфические и кратковременные адаптации к непредвиденным обстоятельствам, мало соотносящиеся с долгосрочными планами (6, р. 373) и не имеющие другой цели, кроме поддержания текущего статуса. Для таких типов совладания характерна стратегия **хаотичного поиска** – активность без когнитивной проработки, перебирание альтернатив методом тыка, проб и ошибок (7):

Работу? Не знаю. Получилось так, что я пошла искать работу. Я много, почти каждый день искала. Нигде ничего нет. Думаю, дай я пройду на мебельную фабрику. А вдруг, что и будет. Там же цехов много. Рабочей, кем угодно устроиться, лишь бы копейку какую заработать. Не нужны рабочие. В другой цех пошла - опять не нужны. В третий цех зашла - говорят: «Подождите. Нашему мастеру цеха нужна помощница» (41 год, рабочая).

Ревизия имеющихся ресурсов тесно связана со способностью видеть множество сфер приложения своих сил. «Успешные» респонденты держат перед собой веер возможностей, наличие которых они осознали. В этом ключе процесс адаптации к новой среде можно охарактеризовать как определение своего места в новом социальном контексте и достижение оптимального баланса между внутренними и внешними ресурсами. Позитивная адаптация представляет определение своего места не столько «здесь и сейчас», но и в долгосрочной перспективе. Поэтому эффективной оказывалась готовность респондентов к долгосрочным усилиям.

Особенно важной была ориентация на **независимое решение проблем**. При том, что родственная помощь носит добровольный и даже инициативный характер, «успешные» респонденты предпочитали быть независимыми либо адекватно отвечать на полученную помощь. В любом случае, когда семья становилась независимой от материальной поддержки близких, отмечалось улучшение отношений с родными, взаимное сближение, так как устанавливались отношения *между равными*.

Конечно, изменились. Раньше было все "на ножках". Нехватка денег. То, вообще, никто ничего не зарабатывал. Жить совсем не на что было. Жили у сестры. Какие-то трения были. А сейчас все по-другому стало. И они радуются за нас. И тетка в Белой Глине радуется за нас, что мы нашли все-таки же хоть какую-то работу, хоть какую-то копейку получаем сами. И не от кого не зависим. По крайней мере, я ни у кого не прошу в долг. Вот это меня больше всего радует (женщина, 41 год, рабочая).

Когнитивный подход к решению проблемы трудоустройства иллюстрирует интервью с женщиной, переехавшей с Украины. Ее первым шагом стала ревизия имеющихся

ресурсов (наличие двух экономических дипломов, опыт работы плановиком) и ограничений (отсутствие опыта работы бухгалтером). Далее, собирая информацию, она сличает свои ресурсы с потребностями рынка. Просчитав стоимость жизни, издержек на дорогу и вычета налогов, она устанавливает минимальный приемлемый для нее размер заработной платы. Параллельно ведется учет возможностей рентных отношений с государством («у меня была перспектива спокойно отсидеть год – не рыпаться, мне бы платили деньги, я спокойно бы ездила и получала отказы»). Стратегии совладания в данном плане можно соотнести с механизмом действий «экономического человека», производящего анализ выгод и издержек своего поведения. В ее случае стратегия накопления преимуществ выражалась в выдвижении минимальных требований в самом начале поиска работы, разведывательной стратегии. Затем, выяснив обстановку, женщина повышает требования, из «просителя» занимает позицию «а что Вы мне можете предложить?». Такая тактика повышает значимость соискателя в глазах работодателей.

Была работа – по газете нашла. Я позвонила: 400 рублей. Нет, говорю – за такие деньги я даже по телефону не буду разговаривать. Она [начальник отдела кадров] мне предложила приехать, спросила, на какие деньги я рассчитываю. Я: 1000, не меньше. Во-первых, я так разговариваю с руководителями, потому что была на их уровне. Я не комплексовала, нормально общалась. И когда мы поговорили о производстве, я поняла, что люди как-то во мне заинтересованы. Я не то что обнаглела, а поняла, что такие кадры, как я, еще ценятся. Хотя буквально до этого, в январе, я хотела на рабочую должность – контролером ОТК. А потом действительно – ставила условия. Ведь я попала туда без блата. Хотя в Центре занятости, когда об этом узнали, обалдели. Я была этому очень рада. Раньше я пошла бы и за 300 рублей работать. Теперь увидела, что меня могут взять, и мне хотелось найти более оплачиваемую работу по специальности. Это свойственно человеку: дай палец – он руку откусит (экономист, 38 лет).

Поиск дополнительных ресурсов. Поскольку само определение «жизненных трудностей» характеризует ситуацию превышения требований среды над имеющимися ресурсами, актуальной становится задача привлечения **дополнительных**, главным образом, средовых, ресурсов. Специфика ситуации вынужденных мигрантов, «выдернутых» из привычного социального контекста, состояла в необходимости заново выстраивать свою «страховочную сеть» путем поиска внешней поддержки, поддержанием отношений с теми, кто способен оказать содействие в решении проблем.

В наиболее выигрышном положении оказывались те, у кого на новом месте жительства были родственники. Рефреном в ответах респондентов на вопрос, что помогало справляться им с трудностями, звучали упоминания об окружающих их людях – родных, друзьях, коллегах по работе. Степень их участия в решении проблем варьировалась от моральной поддержки самостоятельного поведения до оказания прямой материальной помощи. Использование ресурсов своей межличностной сети помогает максимизировать либо экономить ограниченные материальные ресурсы.

Важной задачей совладания являлась **координация** имеющихся ресурсов. Социальные сети во многих случаях обеспечивали самое ценное, что требовалось респондентам, – информацию, а она, в свою очередь, определяла эффективность использования имеющихся ресурсов. Благодаря получению информации все семейные средства вкладывались, например, в покупку стройматериалов или недвижимости, даже при том, что это было чревато залезанием в долги. Спустя год респонденты оценивали эти действия как единственно правильные в тех условиях.

Ну как, они прогнозируют удачно. Нам заранее сказали, что цены поднимутся на жилплощадь. Затем они нам сказали, что цены поднимутся на доллар. И действительно. Мы же не сведущи были в этих вопросах. А они это каким-то образом предугадывают (59 лет, пенсионерка).

Важное условие, позволяющее использовать ресурсы своей межличностной сети, – открытость людей к контактам. Поскольку мигранты находятся в маргинальной ситуации (они чужаки в незнакомом городе, высока степень неопределенности их ситуации), большую роль в решении их проблем играют «случайные знакомства». Больше всех выигрывали те, кто обладал способностью расположить к себе посторонних людей. Здесь очень важна позитивная установка на общение; готовность прийти на помощь, как правило, «окупалась» хорошим отношением со стороны окружающих.

Бог помог. Мы людям помогали, теперь он нам помогает. С людьми порядочными встречаешься, а не с проходимцами, которые обманывают (...). Мы познакомились с русскими из Подмосковья. Мы искали квартиру подешевле и они тоже, разговорились. Им тогда очень тяжело было. А у нас сахар был, мука, масло подсолнечное, соленья, мы им помогали. А теперь пришли они к нам, мы говорим, чтобы они нас извинили, на стол поставить нечего, только картошка. И они уже нам прислали и песок, и муку, и масло (женщина, 30 лет, учитель).

В процессе координации ресурсов может быть очень важной роль Миграционной службы. Характерно, что «успешные» мигранты воспринимают ее скорее не как государственный орган собесовского типа, а как стартовую площадку, облегчающую и ускоряющую процесс адаптации. Здесь принципиально важно не столько оказание непосредственной помощи, сколько снятие барьеров для самостоятельной адаптации.

*Вынужденным переселенцам, я считаю, надо помогать. Ну, хоть что-то помочь для начала. Выделение участка, хотя бы. По льготам выделить строительные материалы. **Не надо бесплатно. Не бывает такого, что у человека совсем ничего нет.** Но какие-то процентов 25-30 надо помогать, ну, хотя бы, чтобы он начал что-то делать. Тогда всем легче будет. Но когда тебя толкают, не принимают, вообще, во внимание. Не хотят тебя. С пропиской мучают... (61 год, пенсионер).*

Как правило, респонденты вставали в тупик при ответе на вопрос об общественных организациях. Исключение составляет только Москва, где служба «Гражданское содействие» достаточно известна среди переселенцев. Видимо, это явный показатель неразвитости институтов гражданского общества в России. Респонденты называли «общественными организациями» Миграционную службу, Службу занятости, отделы социальной защиты при областных администрациях, религиозные секты, благотворительные обеды. Таким образом, сегодня выпадает целый кластер возможностей привлечения внешних ресурсов для решения проблем мигрантов.

Ориентировка в ситуации во многом зависела от способности респондентов справиться с несбывшимися надеждами на внешние источники поддержки. Часто водораздел между «успешными» и «неуспешными» проходил по способности перестроить свои стратегии в условиях большей ограниченности ресурсов.

Когда сюда ехали, нам казалось, что легче будет. Не оценивали этих проблем. Если бы нам сказали, что так будет, мы бы не поехали. Если бы знала, что мои родители не приедут и я к ним не смогу, я бы испугалась. В письмах писали, что учителям дают жилье без проблем. На деле оказалось все не так. Я думала, ссуду получим, будет легче. Все, кто уехал, в письмах это писали (30 лет, учитель).

Принятие решения, какие ресурсы использовать, а какими пренебречь. Как правило, это была одна из самых сложных задач, стоящих перед мигрантами. Суть ее заключается в том, чтобы из веера ресурсов, обещающих потенциальные выгоды в условиях неопределенности, выбрать те, которые наилучшим образом согласуются со стратегической целью. Любое из принимаемых решений несет в себе **издержки выбора**: использование одних ресурсов часто предполагает отказ от других. Это усиливает значимость когнитивной проработки принимаемых решений, а готовность к индивидуальному риску обуславливает возможность поиска оптимальных вариантов.

Да, в метрополитен я долго устраивался. Сначала я на заводе здесь работал, на ЖБК. Устроился туда формовщиком. Ну, чего-то мне все это быстро надоело, всю жизнь в шахте грязь жрал, а теперь еще на этом ЖБК. А времени [искать другую работу] никак не было - с 7 утра работал до 4 часов вечера. С работы позвонить неоткуда, уйти - тоже не уйдешь. Короче, думаю, да чего мне здесь надо? Пришел, написал заявление на расчет, и все. Казалось бы, надо сначала идти в другое место, чтобы здесь не бросить и не оказаться без ничего. А я подумал, что рубить концы надо. Как из Караганды уехали, так и тут с работой. Когда здесь уволился, в тот же день рванул в метрополитен. Это был четверг что ли. А в понедельник я уже вышел на работу (34 года, инженер).

Таким образом, взаимоисключаемыми являлись наличие одной работы и возможность поиска лучшего варианта трудоустройства; временные ресурсы на обустройство домашнего хозяйства и работа по фиксированному графику; возможность получать большое пособие по безработице и трудоустройство с невысоким заработком.

Решение о том, на какие ресурсы опереться, нередко связано с выбором между деятельностными и внешними ресурсами, прежде всего, рентными отношениями с государством. Тексты интервью свидетельствуют, что респонденты интуитивно не допускали формирования «**диффузии ответственности**» (8), заставляя себя сделать однозначный выбор опоры только на собственные силы.

Я не имею права получать ссуду. Я знаю людей, которые стоят там 2–3 года, они этих денег не получили. Не стоит свеч. Надо на самого себя надеяться, а не ждать, когда в Москве деньги дадут. Программа хорошая. Но не для нашей страны. Тяжело конечно, но к тебе никто не подойдет, когда ты лежишь на диване, и не даст сто рублей. У всех свои проблемы (31 год, бывший военнослужащий).

Ограничение возможности использовать внешние (государственные) ресурсы также было обусловлено недопустимостью для респондентов войти в категорию «зависимых» людей. Получение льгот (или само наличие права на них) некоторыми воспринималось как маркер социальной неполноценности человека: поскольку ему оказывается помощь, он принадлежит к группе, для которой характерна бедность. Таким образом, «бенефициарный» статус человека – первый шаг на пути к его **социальной дисквалификации** (9, с. 152), разрушению социальной идентичности.

Муж устраивался на работу, попал в одну организацию. И случайно у него из паспорта выпало это вот удостоверение вынужденного переселенца, и его просто не взял на работу директор: "Ты сегодня придешь на работу, а завтра будешь требовать, чтобы я тебе помогал" (41 год, рабочая).

Поэтому отказ от помощи государства мотивировался не только утилитарными соображениями, но и необходимостью сохранения идентичности «компетентного» человека, своего Я.

Она мне неинтересна, эта служба. Она для нищих существует, а у меня достоинство есть (35 лет, инженер).

Кроме того, поиск социальной поддержки оказывается для некоторых респондентов неприемлемым, поскольку требует выработки специфических умений «прибедняться», «поплакаться», что также не способствует повышению самооценки и уважению в глазах окружающих.

МУЖ: Очередь-то есть. Стоит там уже человек первый 15 лет в этой очереди. Это все... А с другой стороны, может, если пойти поплакаться, пожаловаться, может, помогут. Возможно, придется пойти. Но, думаю, нет. ЖЕНА: А вот зря, нужно пойти поплакаться. Мне тоже советуют: подойди, поговори (супружеская пара, по 34 года).

Сознательный отказ от привлечения ресурсов со стороны, кроме того, мотивировался их неэффективностью и высокой социальной ценой:

У меня алиментов нет. Я на них не подавала по двум причинам. Первая – муж не работал и, я думаю, не будет работать. Как будет жить – его проблема. Вторая – чтобы перевод из Украины переслать – большие проблемы. А потом, на них ничего не купишь, а будет зафиксировано, что ребенок получает алименты, и (есть такой закон), если ребенок получал алименты и с отцом что-то случается (а он же пьет), то ребенок должен будет ему платить алименты (38 лет, экономист).

Эффективное использование выбранных ресурсов. Способы эффективного использования ресурсов зависят от выбранных стратегий совладания, типология которых приведена в публикациях (4; 10). Для «успешных» респондентов были характерны способность видеть ситуацию не только как набор трудностей, стрессов и потерь, но и как новое пространство для деятельности и самореализации, отношение к трудной ситуации как к совокупности шансов. Такие случаи позволяют характеризовать ситуацию вынужденных мигрантов как «вызовы», которые в условиях повышенных требований и ограниченных ресурсов предоставляют и позитивные возможности (4, с. 103).

Процесс эффективного использования ресурсов можно назвать «**движением по осям преимуществ**», поскольку «успешные» респонденты, подтянувшись до уровня, который предоставляет больше возможностей, повышают планку своих требований и используют вновь открывшиеся возможности для подтягивания на следующий уровень.

Я думаю, будет лучше. Тяжкий долг этот снимется - однозначно. Мне кажется, я по этому поводу воспряну духом. И я думаю, появится стремление к чему-то большему. Хоть я и не раскаиваюсь, что мы вместе [со взрослыми детьми] живем, но считаю, что жить надо отдельно (59 лет, пенсионерка).

Наличие материальных и временных ресурсов, информированность в правовом отношении позволяют эффективно вступать и в рентные отношения с государством. Мы можем перефразировать расхожую поговорку «деньги идут к деньгам» применительно к ситуации вынужденных мигрантов – «ресурсы идут к ресурсам». Механизм накапливаемых преимуществ обуславливает тот факт, что привлечь дополнительные источники поддержки легче удастся высокоресурсным группам населения.

Мое мнение такое, если есть деньги, - то тогда и в Миграционном центре тебе помогут. Тут у нас недалеко есть один, очень маленький такой домик. Почти в три этажа. Человек все, что можно было, сумел получить с Миграционной службы. Я, говорит, писал, и буду писать. Сегодня пишу одно заявление, завтра пишу второе, послезавтра - третье. Я дошел, говорит, до министерства. Получил квартиру. Я, говорит, так только и всего от них добьюсь. Потом, он что-то о них знает, и они его почему-то боятся. Значит, он обеспеченный человек, если вот так может добиваться. А если я сегодня

сяду, буду писать заявления, ходить по разным там учреждениям и инстанциям, то на что я завтра буду жить? Мне же работать надо (41 год, рабочая).

«Успешных» респондентов характеризует умение мыслить реалиями сегодняшнего дня, абстрагироваться от понятий о «должном» и, соответственно, тактически опустить планку своих потребностей до того уровня, который реально достижим в настоящее время. Поскольку вынужденные мигранты находятся практически «на нуле» (нет жилья, работы, проедаются привезенные с собой сбережения), они хватаются за любые возможности – устраиваются на малооплачиваемую и тяжелую работу, довольствуются самыми скромными жилищными условиями. Поэтому в их ситуации стратегию «хаотичного поиска» можно отнести к разряду стратегий совладания с трудностями: люди понимают ограниченность своих ресурсов, и им важно зацепиться хоть за что-то на первое время.

Я спрашиваю: а что-то другое не предложите? Он говорит: ну, только вот в наш цех. Он считается, вообще, очень опасный, поскольку там высокие давления, работаем с кислородом. И, в общем, немножко тяжеловато. Тем более, мне сразу предложили - наполнение кислородных баллонов. Это возить их, таскать, сварочные баллоны большие. И очень маленькую зарплату пообещал - 300 рублей, по-моему. Больше ничего предложить не могли. Я думаю: надо хоть втиснуться, а там уж как-нибудь (34 года, рабочая).

Характерно, что «неуспешные» мотивировали свои неудачи в трудоустройстве именно предлагаемыми низкими заработками («какой смысл идти на 500 рублей?»). Однако «хаотичный поиск» оказывался продуктивным для людей, обладающих качественным трудовым потенциалом: имеющие высшее образование не задерживались на самых низкооплачиваемых ставках, получая повышение (например, достаточно быстро переходя из рабочих в мастера) либо меняя места работы. «Зацепка» в виде малооплачиваемой работы позволяла снять остроту проблемы выживания семьи, осмотреться и начинать искать лучшие варианты. И здесь важно то, что **по мере решения первоочередных задач расширяется и круг возможных дополнительных источников помощи**: расположение начальства означает переход на более высокие оклады, приобретение недвижимости – возможность обеспечивать себя продуктами питания, получение городской прописки – расширение возможностей трудоустройства.

Эффективно распорядиться ресурсами удавалось при условии **сохранения разумного эмоционального баланса, способности контролировать свои чувства**. Благоприятный эмоциональный фон создавал условия для дальнейшей активности, способствовал самоидентификации респондентов с «компетентными» людьми. К стратегии самоконтроля многие респонденты прибегали сознательно. По их словам, одним из самых эффективных способов снижения стресса была активность, переключение на решение повседневных практических проблем и общение.

Я считаю, что у меня характер определенный есть, сила воли, что-то такое. Бабушка плакала: я жила в молодости в голоде и сейчас в голоде умираю. Ревет-ревет, я поругаюсь с ней, выйду на улицу, выревуся, стараюсь им нервы свои не показывать. Все же у меня мужчины нет, который приносил бы кусок хлеба – не на кого положиться. И я считаю, у меня есть характер. Мне подруга с Украины писала – ты смелая женщина, не каждый решится, тебе повезет и в работе, и везде. Может, это так (38 лет, экономист).

Другим условием успешного использования имеющихся ресурсов и достижения поставленных целей была **способность защититься от государства** – противостоять

бюрократической машине, преодолевать искусственно воздвигаемые барьеры. В отличие от «неуспешных» мигрантов, эти люди не потерялись в коридорах местных администраций, а смогли собрать необходимую информацию и отстаивать свои права.

Районная администрация, видимо, хотела для себя этот участок земли оставить. Мы хотели напрямую купить, а нас не оформляли. Нам сказали, что у них куча льготников, с чеченской, с афганской войны. Как будто они строятся! Если бы бабушка [продавец] отказалась, то этот участок отошел бы Администрации. Мы ходили по этим инстанциям, узнавали. Переживали, к юристу ходили. У нас стройка идет, а с документами не в порядке. Юрист сказал, что все в порядке будет... (30 лет, учитель).

Оценка достигнутых результатов. В процессе совладания важен компонент «оглядки назад», необходимый для оценки достижений и перспектив. Оценка достигнутых результатов является базой для **коррекция тактических планов**: на основе анализа ошибок, новых открывшихся возможностей, накопления опыта у людей перемещается и планка текущих потребностей и первоочередных задач. Выстраиваются новые иерархии проблем по степени их срочности, происходят изменения в текущем потреблении.

Адаптация на новом месте представлялась респондентам как достижение среднего уровня жизни своего социального окружения. Логично, что главным инструментом оценки достижений было **социальное сравнение**. Не удовлетворяясь в целом достигнутыми результатами, респонденты ищут опору для позитивной самооценки, сравнивая себя с теми, кто находится в еще более тяжелом положении, или с теми условиями, в которых они сами находились год назад. Позиция «могло быть и хуже» или «другим еще хуже» характерна для людей, находящихся в состоянии депривации; о том, насколько критично было положение вынужденных мигрантов, позволяет судить то, что объектом для подобного сравнения служили... представители социального дна.

Планы, конечно, у нас были получше, но нас тут ударило мордой об асфальт. Но где-то в глубине души мне кажется, что хорошо так, что еще не хуже (34 года, инженер).

Положение лучше, чем у кого-то. Есть же люди, которые нигде не работают, получают мало, по своим физическим данным не могут работу найти, инвалиды. Есть люди, которые пьют, наркоманы. Я считаю, что мне повезло. Приехали, работа есть, трудимся. Много сейчас переселяются из других мест, из всего СНГ, сейчас из Чечни поток хлынул. Вот они в страшном положении (31 год, бывший военнослужащий).

С другой стороны, мигранты сравнивали себя с местным населением, объективно находящимся в более благоприятных условиях. То, что они за короткий срок обустроились не хуже, чем многие из местных, дает им повод относить это только за счет своих внутренних ресурсов. Так вырабатывается **«наученная находчивость»** - приобретенная в условиях нестандартной ситуации уверенность в своих силах. Характерны высказывания относительно ситуации в двух разных городах:

Вот я когда смотрю, когда эти россияне, так сказать, начинают плакать, жаловаться на свою судьбу, я просто поражаюсь: а как мы приезжаем на голое место, устраиваемся, живем вот неизвестно в каких условиях, и мы все находим себе работу? А эти плачут, а эти плачут! И посмотришь на них, постоянно стонут, я говорю, вас вот туда бы отправить в данный момент, как там живут казахи и наши русские в Казахстане! (женщина, 40 лет, вахтер в общежитии, Екатеринбург).

Мы там совсем по-другому жили. Здесь люди не жили так, как в Казахстане. Здесь работы до фига и больше, они говорят: работы нет. Как нет? Нет образования – иди уборщицей, дворником, ты свою копейку получишь. А у нас в Казахстане нужно блат

иметь, чтобы пойти полы помыть куда-то. Там работы не найдешь. А здесь люди по работе ходят. На рынке все плачут: денег не хватает. Это болезнь какая-то, поражаешься (женщина, 26 лет, продавец на рынке, Н.Новгород).

Результатом социального сравнения и оглядки назад становится позитивная переоценка ситуации: из ужасной и невыносимой она субъективно превращается в нормальную. Люди умудряются находить плюсы даже в обстоятельствах, которые, по общим понятиям, благоприятными никак не назовешь: жизнь в общежитии, неукорененность на новом месте, необходимость «начинать жизнь заново».

Конечно, обратной стороной позитивной переоценки может быть самоуспокоение и рутинизация самих проблем, их обращение в застойные. «Успешные» респонденты это понимают и стараются поддерживать баланс между позитивной самооценкой и высокой требовательностью к себе.

Да проблемы все те же. Единственное, может, вначале мы немножко острее все это чувствовали. Теперь немножко притупилось. Иногда сам себя подстегиваешь. Никогда не надо расслабляться и забывать, что мы еще... Что надо стремиться (34 года, инженер).

В процессе накопления опыта поведения люди с удивлением обнаруживали у себя способности, о существовании которых они ранее не подозревали, умение нетрадиционно подойти к ситуации. Значительные изменения происходят и в семейных взаимоотношениях. Сплоченность семьи выступает и ресурсом совладания с трудностями, и одним из его результатов.

Может, если бы там жили, то и сами бы не узнали, что мы такая хорошая семья (женщина, 37 лет).

Ученые стали. На мелочи внимание перестали обращать. Когда дома-то жили, сытая жизнь была (...). Нам друг с другом легче стало. Особенно с родителями. Сплоченней стали. Поддерживать. Они нас оценили больше. А старики вообще растерялись, с документами особенно. За то, что мы не растерялись, нас ценить больше стали (женщина, 30 лет).

Важной составной частью позиции «умного» человека было **принятие ответственности** и за сам переезд, и за шаги, предпринятые на новом месте жительства. «Успешные» респонденты интерпретировали свои действия как результат собственного свободного выбора, а причиной неудач были недостаток информации и опыта поведения.

Мы много ошибок допустили. Нам надо было сразу дом искать, на стоянку бы деньги не уходили. Мы кинулись с этим агентством, потом испугались. Квартира эта дорогая... Мы думали, что все равно в деревню уедем. Так бы успели посадить и снять урожай, этот бы год легче прошел. Я считаю, что неправильно с самого начала делали. Мне не надо было сразу в эту школу идти, походить, поискать надо было. Но опять это все постепенно было, познакомились, тебе адреса дали, знаешь куда ехать, чего спрашивать (30 лет, учитель).

В принятие ответственности входило и сознание того, что отрезаны пути к отступлению. Если «неуспешные» респонденты подумывают о возвращении назад, «успешные» твердо решили для себя, что они приехали на новое место навсегда. «Письма оттуда» укрепляют эту решимость.

А вот свекровь осталась в Караганде, пишет: как бы вам тяжело ни было, живите там. Там ни работы нет, ничего. Ни света, ни воды, ни газа. Мы звонили свекрови, она

рассказывает: 26 градусов мороза, дома батареи холодные, сидим в валенках, шубах, варежках. Света нет, даже обогреватель не включишь (34 года, рабочая).

Характерно, что, оценивая причины неудач и достигнутых результатов, «успешные» респонденты преподносили их как результат собственной активности и успешного использования ресурсов. Как мы покажем ниже, «неудачники» демонстрируют в большинстве своем экстернальный локус контроля над событиями своей жизни, кивая на не зависящие от них обстоятельства.

Углубление депривации

При всем многообразии и неповторимости ситуаций, в которых оказывались респонденты в четырех городах, просматриваются и общие тенденции, которые обусловили консервацию либо усугубление первоначально существующих трудностей. Факторами неудач стало переплетение объективно неблагоприятных условий с неудачно выбранными стратегиями либо вообще отсутствием сознательного планирования своих действий.

Отсутствие позитивной динамики в течение года, которое является критерием отнесения респондентов к «неуспешным», выражается в консервации неблагоприятных условий жизни. Так, спустя год респонденты жили в тех же условиях, не соответствующих никаким социальным и санитарным нормам (например, комната общежития 12 кв. м. на семью из 5 человек). Или это был такой доход, что при нем без внешней поддержки семья просто не могла бы выжить (300 рублей в месяц на семью из 3 человек). Или маргинальный социально-правовой статус (жизнь в городе без прописки, на квартире, куда пустили чужие люди «Христа ради»). При этом жизнь людей успела войти в некую накатанную колею, и их состояние можно охарактеризовать как «стабильно нестабильное», то есть **жизненные трудности становятся нормой**. В лучшем случае здесь можно говорить о **негативной адаптации** – пассивном приспособлении к окружающей среде, результатом которого становится понижение социального статуса и отсутствие условий для развития индивида (11). Ниже мы приводим описание процессов **углубления депривации – движения вниз по «осям преимуществ», когда каждая ступенька вниз, подобно воронке, сужает спектр доступных индивиду ресурсов и затягивает его еще ниже**. Этот процесс обуславливает попадание людей, изначально обладавших ресурсами, в маргинальные группы застойно бедных (безработных, бездомных). Какие же тактики привели людей к невозможности использовать свои ресурсы и дальнейшему усугублению ситуации?

Отказ от активности. Главное, что объединяло «неуспешных» респондентов – отказ на определенном этапе от активных действий по разрешению своих проблем. Причины отказа от активности могут быть разными. Прежде всего, это хорошо известный в психологии и неоднократно описанный феномен **выученной беспомощности**: под влиянием повторяющихся неудач человек отказывается от попыток разрешения текущих и сопутствующих задач. Для «неуспешных» респондентов характерно отсутствие позитивных перемен в их жизни, а иногда еще и ухудшение ситуации (например, ситуация с занятостью все та же, но иссякли сбережения, реально снизились доходы). Респонденты пытаются дать рациональное оправдание своей пассивности, которую можно охарактеризовать как **стратегию избегания**: чтобы более не сталкиваться с травмирующими неудачами, способом «сохранения лица» становится абсолютизация роли внешних обстоятельств.

А что решать, если ничего не двигается? Чего ждать у моря погоды. Сиди, думай, решай, все равно не изменится. Стараемся не думать об этом, не расстраивать себя (42 года, рабочая).

А что я могу делать, когда у меня нет постоянной работы? Нет никакой возможности что-то сделать. Даже придумать ничего не можем, потому что денег нет (29 лет, безработный).

Повторяющиеся неудачи деморализуют человека, и он плывет по волнам, надеясь на счастливую случайность или на то, «что в стране все наладится». В отличие от «успешных» респондентов, тактически опускающих планку своих потребностей, притязания «неуспешных» выглядят воздушными замками, а о своих планах они повествуют преимущественно в сослагательном наклонении:

Нет, это смешно, наверно. Ну, если я вам скажу, что хотел бы уехать в Америку? И забрать туда семью? Я хотел бы работать. Я бы работал, как папа Карло. Я могу работать. Лишь бы я зарабатывал там эти деньги. Я бы получал удовольствие от этого, обеспечивая свою семью (29 лет, безработный).

Другой формой отказа от активности было **защитное, избегающее поведение**, перенесение акцента с собственных действий на внешние обстоятельства, находящиеся вне сферы индивидуального контроля. «Виноваты» в неудачах были отсутствие прописки, неповоротливость чиновников, требующих взятки, плохая ситуация в стране. «Сознание людей, реализующих данную форму поведения, жестко охвачено сложившимися обстоятельствами, будущее предстает для них перспективой, определяемой внешними силами; они не предпринимают попыток увидеть или принять параллельных путей своего развития» (10, с. 278).

ИНТЕРВЬЮЕР: Другую работу сейчас пытаетесь искать? РЕСПОНДЕНТ: Нет, еще не пыталась. Потому что это...страх, между прочим. Страх перед тем, что тебе откажут, что... Страх перед этой бюрократией. Без знакомств, без определенных каких-то там моментов, просто так работу не найдешь (женщина, 46 лет).

Поэтому в интервью четко прослеживалась **неагентивность** таких респондентов, их недостаточная выделенность как автономных агентов, отсутствие контроля за событиями. Такие люди характеризовали себя не столько как «деятели», сколько как «претерпеватели», описывая окружающую их действительность в терминах «что с нами будет?», «что с нами делают?». Не удивительно, что свои надежды они описывали в выражениях «получить», «защита», «забота».

Поэтому я и жду эту комнату бог знает сколько. Если бы дала кому-нибудь на лапу... Может, получилось бы (...). Проблемы, мне кажется, нам обеспечены. Никто за нас над ними не думает. Проехали, прокричали: голосуйте за нас. И все. И дальше так живем. Ну кто за нас думает? (женщина, 42 года, Н.Новгород).

Процесс создания препятствий выражался в нахождении множества ограничителей своей деятельности. Это заталкивало мигрантов в узкий диапазон возможных решений: «в деревню ехать нельзя – там нет работы», «уехать из города нельзя – дочери-студентке придется жить в общежитии», «искать более высокооплачиваемую работу нельзя – здесь я стою в очереди на общежитие». «Неуспешные» мигранты маломобильны либо из-за ригидности сознания, либо из-за неблагоприятных семейных обстоятельств, например, наличия больных детей или престарелых родителей.

Свою пассивность люди объясняли внешними препятствиями, однако в ходе интервью выяснялось, что неблагоприятно сложившиеся внешние обстоятельства тесно связаны с собственными действиями респондентов.

Я не хочу жаловаться, что все плохо, но... неважно... Я стараюсь, стараюсь зарабатывать, но нет постоянной работы... Работы нет, потому что нет прописки постоянной. А живем плохо (...). Жена не работает. Мать, племянник тоже с нами в комнате (11 кв. м). Дочка наша еще, она в школу ходит (...). Еще до армии я учился. Мастер строительства. Это было очень давно. Все позабыл, если знал что-нибудь (...). Да, вот так, даже специальности нет. Вот такой я... безалаберный (...). Были, были люди, с которыми я встречался с огромным удовольствием. Это были очень близкие, очень. Но я испортил отношения. Тогда я был тяжелым человеком. Сейчас я жалею об этом (29 лет, безработный).

Выпадение из неформальных сетей обмена. Значимость персонифицированных связей в современном российском обществе означает, что возможность получить прописку, материальную поддержку, доступ к информации во многом зависит от того, насколько активно человек «работает» со своим социальным окружением. О том, сколь традиционным остается наше общество, свидетельствуют истории мигрантов, оказавшихся один на один со своими проблемами. Особенно типичны в данном плане «московские» мигранты, оказавшиеся одиночками в мегаполисе. Проблемы в этом случае замыкаются на отсутствии прописки и, как следствие, нелегитимности пребывания человека на данной территории и отсутствии возможности устроиться на работу.

Выпадению из неформальных сетей обмена способствовала и **рутинизация проблем мигрантов в глазах окружающих.** Чтобы рассчитывать на длительно оказываемую поддержку со стороны, недостаточно наличия проблемы как таковой. Окружающие проявляют активность, во-первых, если они непосредственно заинтересованы в разрешении чужой проблемы (например, это близкий человек либо от него ожидается ответная услуга), либо сам нуждающийся проявляет повышенную активность в привлечении внимания к себе, лоббировании собственных интересов перед своим окружением. Сразу после прибытия на новое место респонденты отмечали повышенное внимание окружающих к себе и своим проблемам: их ситуация казалась сверхтрудной, а условия жизни – невыносимыми. По прошествии времени становится все труднее представлять свою ситуацию в глазах людей уникальной.

Вот хотя бы раньше на работе все воспринималось очень остро: ой, да как это можно, в таком возрасте остаться без угла, безо всего! А сейчас все привыкли, притерпелись. Не будешь же каждый раз скулить, как тебе плохо. Лишний раз, в общем, не расскажешь, а люди уже привыкли: ну, есть у вас проблемы, ладно, пусть они останутся вашими проблемами (50 лет, воспитатель детсада).

Дефицит информации. Необходимость получать регистрацию, гражданство, проходить медосмотр, получать статус вынужденного переселенца, растаможивать привезенное с собой имущество требовали от мигрантов проходить через многочисленные бюрократические инстанции. В воспоминаниях большинства респондентов («успешных» в том числе) они звучали как «кошмар», «издевательство», «хождение по мукам». Самое страшное в этом хождении, по отзывам респондентов, было их бесправие перед административной машиной. Особенно остры эти проблемы были в Москве. Справедливости ради отметим, что многие и из «успешных» респондентов не имели доступа к информации о своих правах или не добивались положенных им по закону льгот. Однако в их случае потребность в правовой защите

была минимальна, поскольку люди изначально дали себе установку на независимое (в том числе и от государства) решение своих проблем. Многие же из «неуспешных» стремились вступить в рентные отношения с государством. Для осуществления этой стратегии была необходима **правовая информированность**, однако эти респонденты в поиске поддержки от государства увязали в сборе и переоформлении необходимых документов, причем тратили на это сбережения и массу времени. Характерно, что люди, ждущие помощи от государства, весьма смутно представляли, чего именно они могут требовать.

Знаете, мы не знаем этих прав, никогда не знали. Никто их не будет рассказывать, это бесполезно - у нас их просто нет. Я второй год доказываю, что имею право здесь жить [плачет]. Опять эти бумаги очень долго собирала, сдала. Поставили меня на очередь. 86-я была, прошло полгода – 82-я. Места-то в общежитии практически не освобождаются. А сначала говорили – в течение 3-х месяцев. А сейчас говорят – не ходите, не спрашивайте, на следующий год придете, узнаете (...). А к кому обратиться? Пойти собирать бумаги - всю жизнь собираю. Пошла сейчас с пропиской, чтобы временно прописали у брата. Так меня уже второй месяц прописывают, представляете. Туда-сюда посылают. Я столько собирала разных справок, потом справок, подтверждающих эти справки... (42 года, рабочая).

Среди «неуспешных» мигрантов были и те, кто неудачно вступил в рентные отношения с государством. Так, получив крохотного размера неблагоустроенные комнаты в качестве «временного жилья», формально они переставали быть «остро нуждающимися».

Социальное исключение. Если процесс накопления преимуществ означает расширение возможностей по мере разрешения проблем, то углубление депривации аналогично попаданию в яму: чем дальше падаешь, тем меньше возможностей выбраться наверх. Любопытно, что процессу накопления преимуществ и углубления депривации отчасти способствует и сама Миграционная служба. С одной стороны, логика условий предоставления помощи понятна – важно поощрять людей самим решать свои проблемы – именно на это ориентирована программа предоставления ссуд на приобретение или строительство жилья. Условием ее является наличие достаточного совокупного дохода членов семьи, позволяющего впоследствии возратить ссуду. С другой стороны, получается, что в полном объеме ссуды получают обеспеченные семьи, у которых шире возможности решения своей жилищной проблемы, в то время как наиболее обездоленные (неполные, низкодоходные семьи) оказываются в «ловушке бедности». Таким образом, наблюдается процесс социального исключения: **беднейшие исключены не только из основных институтов общества, но и из источников получения поддержки.** Если бедным недоступны многие значимые блага, то исключенным – сама возможность получения доступа к ним (12, р. 5).

Нет... Нет такого ощущения, что что-то решается. Никто за нас ничего не решает. Придешь в эти организации, документы подаешь, секретарша берет: «Это что, ваша зарплата? Не может быть!» А как же говорю, вот документы... «Ужас какой-то». Для секретарши это ужас. И в Миграционной службе отодвинули эту бумагу: не может такого быть. Не верят, что такая есть зарплата. Живите, как хотите (...). А кто мне какую помощь даст, если я не прописана. Я даже в больницу пошла, мне сказали: у вас прописка кончилась, мы вас принять не можем [плачет]. Чего толку? Стараемся не болеть. ИНТЕРВЬЮЕР: То есть, вы за год ни разу за медицинской помощью не обращались? РЕСПОНДЕНТ: Я бы обратилась не раз - здоровье уже не то. Но куда обращаться? ИНТЕРВЬЮЕР: А в очередь на ссуду не встали? РЕСПОНДЕНТ: Знаете,

там надо, чтобы семья была полная. Чтобы муж много зарабатывал, чтобы эту ссуду отдавать. А мне кто одной с такой зарплатой даст? (42 года, рабочая).

Мигрантов можно отнести к «маргинальным группам» в том смысле, что их статус не определен: их относительно мало и они традиционно не относятся к категориям «социально незащищенных». Поэтому люди часто не видят оснований, чтобы требовать помощи.

Заключение

Концепция совладания с жизненными трудностями позволяет выявить динамику индивидуального поведения в трудных жизненных обстоятельствах, акцентируя внимание на внутренних ресурсах человека.

Поведение в трудных жизненных обстоятельствах представляется движением индивидов по осям преимуществ, когда движение вверх обуславливает накапливаемые преимущества, движение вниз – углубление депривации. Эти передвижения подобны воронке: накопление преимуществ означает расширение спектра доступных ресурсов по мере достижения промежуточных результатов, в то время как углубление депривации – это лишение не только значимых благ, но и возможностей подняться вверх.

Условием совладания с жизненными трудностями является наличие ресурсов, к важнейшим из которых относятся личностные, социальные и материальные, и их эффективное использование. Поэтому логично определять совладание как процесс управления индивидуальными ресурсами.

Независимо от выбора конкретных стратегий совладания с трудностями, динамика управления индивидуальными ресурсами включает следующие этапы: выбор стратегической цели; ревизию имеющихся ресурсов и привлечение дополнительных; эффективное использование ресурсов при активной когнитивной проработке своих действий; оценку достигнутых результатов. Это цикл, по завершении которого происходит переопределение ситуации и выбор новой стратегической цели. Люди подтягиваются до следующего уровня, где ставят более высокие требования в соответствии с расширившимся спектром ресурсов. Успешное совладание позволяет элиминировать сами трудности, и деятельность переключается на решение повседневных задач и *развитие* индивида. Однако ситуация вынужденных мигрантов обычно требует долгосрочных усилий, поэтому процесс совладания носит циклический характер.

Использование ресурсов сопряжено с издержками выбора, что усиливает значимость когнитивной проработки действий. В ряде случаев наблюдается взаимоисключающий характер ресурсов, главным образом, внешних и деятельностных. Острота выбора обусловлена ограниченностью ресурсов человека, находящегося в трудной жизненной ситуации, что требует их мобилизации в одном направлении. Ограничением на использование внешних ресурсов часто являлась угроза имиджу «компетентного человека».

Динамика процессов накопления преимуществ и углубления депривации ставит акторов социальной политики перед дилеммой задач. Противоречащими друг другу становятся поддержка эффективного поведения (что способствует накоплению преимуществ «успешных» и углублению депривации наиболее обездоленных) и поддержка наиболее остро нуждающихся (что соответствует принципу адресности помощи, но деморализует активных, подрывает их самостоятельные установки).

Пустует ниша оказания реальной информационной, материальной и психологической помощи вынужденным мигрантам – общественные организации. Индивидуальную помощь вообще трудно поставить на поток, в отличие от более или менее отлаженного механизма предоставления льгот и пособий.

В этом плане велика роль *социальной работы* как профессиональной деятельности, целью которой является улучшение социального функционирования людей. Развитие личностных ресурсов клиента социального работника предполагает систему непрерывного руководства целеустремленными усилиями человека или группы, чтобы уметь противостоять препятствиям, чувствам разочарования и отчаяния. Трудно ожидать от органов социальной защиты собесовского типа индивидуального подхода к клиенту, в то время как социальный работник, например, в штате общественной организации, может позволить себе роскошь разбираться в конкретных ситуациях, посещать людей по месту их жительства. Не секрет, что общение мигрантов со специалистами служб, призванных им помогать, преимущественно опосредовано собранными документами, часто не отражающими реального положения вещей. Как мы постарались показать, важнейшим условием эффективного и скоординированного выявления и использования индивидуальных ресурсов становится доступ к информации, предоставление которой требует *не столько больших финансовых затрат, сколько эффективного менеджмента*.

Примечания

1. Работник социальной службы. 1997, № 1 (1).
2. Цит. по: Демин А.Н. Самоорганизация при потере работы и формы ее поддержки / Российское общество на рубеже веков: штрихи к портрету. М.: МОНФ, 2000.
3. Woolcock, M. (1998), 'Social Capital and Economic Development: Toward a Theoretical Synthesis and Policy Framework', *Theory and Society*. Vol. 27/2. April.
4. Муздыбаев К. Стратегии совладания с жизненными трудностями. Теоретический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. Том 1. 1998, № 2.
5. Мель Ю. Социальная компетентность как цель психотерапии: проблемы образа Я в ситуации социального перелома // Вопросы психологии, 1995. № 5.
6. Forrest, R., Kennet, T. (1996), 'Coping Strategies, Housing Careers and Households with Negative Equity', *Journal of Social Policy*. Vol. 25. Part 3. July.
7. В работах других авторов (см.: Демин А.Н., Попова И.П. Способы адаптации безработных в трудной жизненной ситуации // Социологические исследования, 2000. № 5) хаотический поиск включается в типологию «неконструктивных адаптаций».
8. «Диффузия ответственности» формируется, когда достаточно долгое время действуют мощные внешние факторы, способствующие решению проблем индивида. В этом случае уменьшается индивидуальная готовность к проявлению собственной активности в решении проблем. См.: Магун В.С. О взаимосвязях готовности человека к собственным усилиям и ожидаемой им помощью // Психологический журнал. Том 12. 1991. № 6.
9. Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Том II. С. 152.

10. Демин А.Н. Социальная адаптация безработных / Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микроэкономический анализ). Под ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2000.
11. См.: Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегии «негативной» адаптации // Социологические исследования, 1999. № 4.
12. Poverty and exclusion: the infernal duo. *World of Work*. 1995, No. 11.